

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ХАТУНЦЕВА

НА ЕГО МОГИЛУ НЕ ПРИНОСЯТ ЦВЕТОВ

Николай Борисович Хатунцев родился и умер в городе Баку (1932 – 2004). Его отец прибыл в Баку из Саратова, откликнувшись на призыв поднимать науку на бывших царских окраинах. Дед – Николай Николаевич – был действительным статским советником, потомственным дворянином, руководившим строительством Восточно-Китайской железной дороги, а его потомки жили в тупике улицы Красного Аскера – спаянные в одно целое «итальянские» дворники, над которыми, подобно дыму соседней городской бани, витал дух коллективизма.

Николай Хатунцев учился в школе № 6 (1940 – 1950). Ещё в детстве перечитал всё, что только возможно – мама заведовала библиотекой имени Короленко. В 1948 году победил в юношеском чемпионате города по шахматам и в составе сборной республики выступил на командном чемпионате СССР, где, играя на первой доске, свёл вничью партии против будущего чемпиона мира Спасского и будущего гроссмейстера Лутикова.

Образование – юридическое. Работал в районе заместителем прокурора, но потом случилась какая-то тёмная история (в карман вложили конверт с деньгами), и он вынужден был переквалифицироваться в литераторы: газета «Молодёжь Азербайджана», почти сорок лет (1965 – 2003) – главный редактор издательства «Элм» при Академии наук Азербайджана.

В 1980 году под влиянием старшей (на три года) сестры увлёкся живой этикой Рериха: «Именно она со свойственными ей настойчивостью и энтузиазмом находила редкие книги, пожелтевшие дореволюционные издания, копии с копий, густо перепечатанные через один интервал на папирусной бумаге. А сколько вот таких копий напечатала она сама, полуслепая, часами сидя за своей допотопной машинкой!»

О Елене – разговор отдельный. Она закончила школу с золотой медалью, но, заболев костным туберкулёзом, несколько лет провела в неподвижности, закованная в гипс. Однако закончила с отличием заочно два института: филологический и иностранных языков. Выздоровев, преподавала русский язык в Институте иностранных языков им. Ахундова, защитила кандидатскую, перевела с английского солидное по объёму «Посвящение» Элизабет Хейч, выдержавшее два издания в московском издательстве «Сфера» (1993, 1998). Елена и сама писала стихи, но исключительно духовного плана.

При газете «Вышка» Хатунцев вёл литературное объединение «Родник». Если прежний руководитель – Владимир Кафаров был аристократично-строг, порой едко-беспощаден, то Хатунцев, наоборот – мягок, терпелив, демократичен.

Однажды мне попенял за рифму «порфира» – «квартира», говорил, что в данном контексте она искусственно сконструирована, а всякая рифма должна быть естественной и необходимой, как дыхание. Ещё запомнилось: «Первую книгу надо выпускать, когда твёрдо решил судьбу связать с литературой». С удовольствием вспоминаю те удивительные меджлисы! С распадом СССР расслоилось общество, кого здесь только не встречали: от всей в золоте жены олигарха до горемыки (бывшего филолога-аспиранта), только вышедшего из психушки, в рубашке на голое тело, в тапочках на босу ногу. Но всё равно – единое цеховое содружество, и ценилось совсем другое богатство: золотые россыпи слов и души.

Прогрессирующее заболевание головного мозга привело к расстройству речи, неподвижности; в последний год жизни Хатунцев сжигал какие-то бумаги, раздавал вещи. Приходили к нему сиделка, ученики, но после потери сестры, сына, жены не покидало

ощущение его громадного одиночества. Смерть его сопровождалась некрасивой историей с делёжкой квартиры, пропажей архивов. Он успел ещё сдать в типографию рукопись, но печатать её уже никто не желал. Тофик Агаев – друг с 60-летним стажем – забрал рукопись, на 16 лет она запропастилась, а потом прибилась ко мне, я создал её электронную версию.

На могиле Хатунцева поставили простой камень, никто сюда не ходит, иногда ученики вспоминают его по какому-то случаю. Все книги Хатунцева выходили в Баку: «Восхождение» (1978), «Связь времён» (1981), «Свет» (1984), «Донести огонь» (1987), «Единение» (1992), «Голоса» (1998), «Товарищ, верь!» (поэма, 1999), «Любимый портрет» (2000), «Смотрите вверх» (2001). Переводы из Низами – более 50 газелей, рубаи, начальные главы поэмы «Лейла и Меджнун» – вошли в ряд академических изданий.

Марат Шафиев